

УДК 903.26 (571.1)

Л. В. Панкратова

О ВОЗМОЖНЫХ ИСТОКАХ ИКОНОГРАФИИ ОБРАЗА МЕДВЕДЯ В КУЛАЙСКОЙ МЕТАЛЛОПЛАСТИКЕ

Скульптура древних обитателей Западной Сибири изучена с целью выявления истоков иконографии образа медведя в культовой металлопластике кулайской общности раннего железного века. Установлено, что фигурки медведя, стоящего на четырех лапах, и изображения головы зверя генетически связаны с аналогичными вариантами скульптуры, появившимися в неолите. Изображения стоящего на задних лапах медведя приобретают популярность накануне эпохи железа под влиянием лесостепных этнокультурных импульсов. Парциальные изображения переживают процесс реархаизации и образуют композиции, известные как медведь в «жертвенной позе». Иконографические типы отражают различные семантические пласты, являясь, в частности, социальными символами.

Ключевые слова: неолит, эпоха бронзы, ранний железный век, кулайская культурно-историческая общность, изображения медведя, символ, Западная Сибирь.

Одним из значимых персонажей изобразительного творчества создателей кулайской культурно-исторической общности (КИО) эпохи раннего железа Западной Сибири является медведь. Типологическая классификация иконографии образа медведя эпохи железа по материалам Западной Сибири разработана Н. В. Федоровой [1]. Позднее ею совместно с Ю. П. Чемякиным предложена классификация изображений животного эпохи раннего железного века Сургутского и Нижнего Приобья [2]. Она была дополнена и конкретизирована мною с учетом материалов из других районов историко-культурного единства [3]. Выделено четыре иконографических типа (ИТ) изображений бронзовой кулайской металлопластики: профильные изображения полных фигур медведей, стоящих на четырех лапах (плоская скульптура, в том числе с элементами рельефа; круглая скульптура – объемные полые пронизки) (ИТ-1); плоские и объемные изображения голов медведя (ИТ-2); изображения медведей, стоящих на задних лапах анфас (плоские и с элементами рельефа) (ИТ-3); изображения медведей в «жертвенной позе» (голова между лапами), обычно с элементами рельефа (ИТ-4). Сочетание перечисленных типов изображений зверя с другими образами, а также нескольких изображений одного ИТ в составе композиции дает широкое разнообразие композиционных вариантов.

Образ медведя в пластике Западной Сибири известен с неолита и является значимым на протяжении тысячелетий. В работе предпринята попытка выявить генетические корни иконографии образа хищника в металлопластике кулайской КИО.

По-видимому, самыми древними в Западной Сибири являются неолитические миниатюры из Васьковского могильника (рис. 1, 12, 14). Одна из них – профильное изображение фигурки медве-

дя из кости с отверстием для крепления¹ (рис. 1). Подобные профильные изображения полной фигуры зверя (плоская скульптура) выявлены также в самусьских и кротовских памятниках эпохи бронзы (могильник Сопка-2, поселения Крохалева-13 и Крохалева-1) (группа 1) (рис. 3–5). Аналогичная находка из Айдашинской пещеры [5, с. 145, табл. I-7] стилизованного образа медведя может быть датирована как эпохой неолита, так и бронзовым веком [6, с. 26]. Фигурки изготовлены из кости, камня и бронзы, имеют отверстия функционального назначения. Несмотря на разнообразие изобразительных приемов, техники изготовления, используемых материалов, размеров, все поделки могут быть объединены в одну группу и сопоставлены с бронзовыми изображениями ИТ-1 «кулайцев» (рис. 7).

По-видимому, к группе 1 следует относить также каменную скульптурку медведя, обнаруженную в одном из погребений могильника на Старом Мусульманском кладбище (рис. 2), материалы которого неоднозначно интерпретируются в схеме культурно-исторического развития региона [7–11]. Стоящими на четырех лапах вылеплены из глины миниатюры, в которых новосибирские исследователи видят медведей [12, с. 338]. Изображения происходят из памятников поздней ирменской культуры переходного от бронзы к железу времени (городище Чича-1, поселение Омь-1) (рис. 6). И каменная, и керамические миниатюры являются статуарными изображениями без очевидных признаков практического использования. Предполагают, что изделия задействовались в ритуальной практике [12, с. 340] и могут быть условно отнесены к группе «культовых» предметов, по терминологии, предложенной Н. В. Федоровой. В то время как изображения медведей с отверстиями для крепления, по-ви-

¹ В работе рассматриваются три из четырех обнаруженных в могильнике изображений медведя, поскольку четвертое, выполненное из трубчатой кости, сильно разрушено [4, с. 100, рис. 43-4].

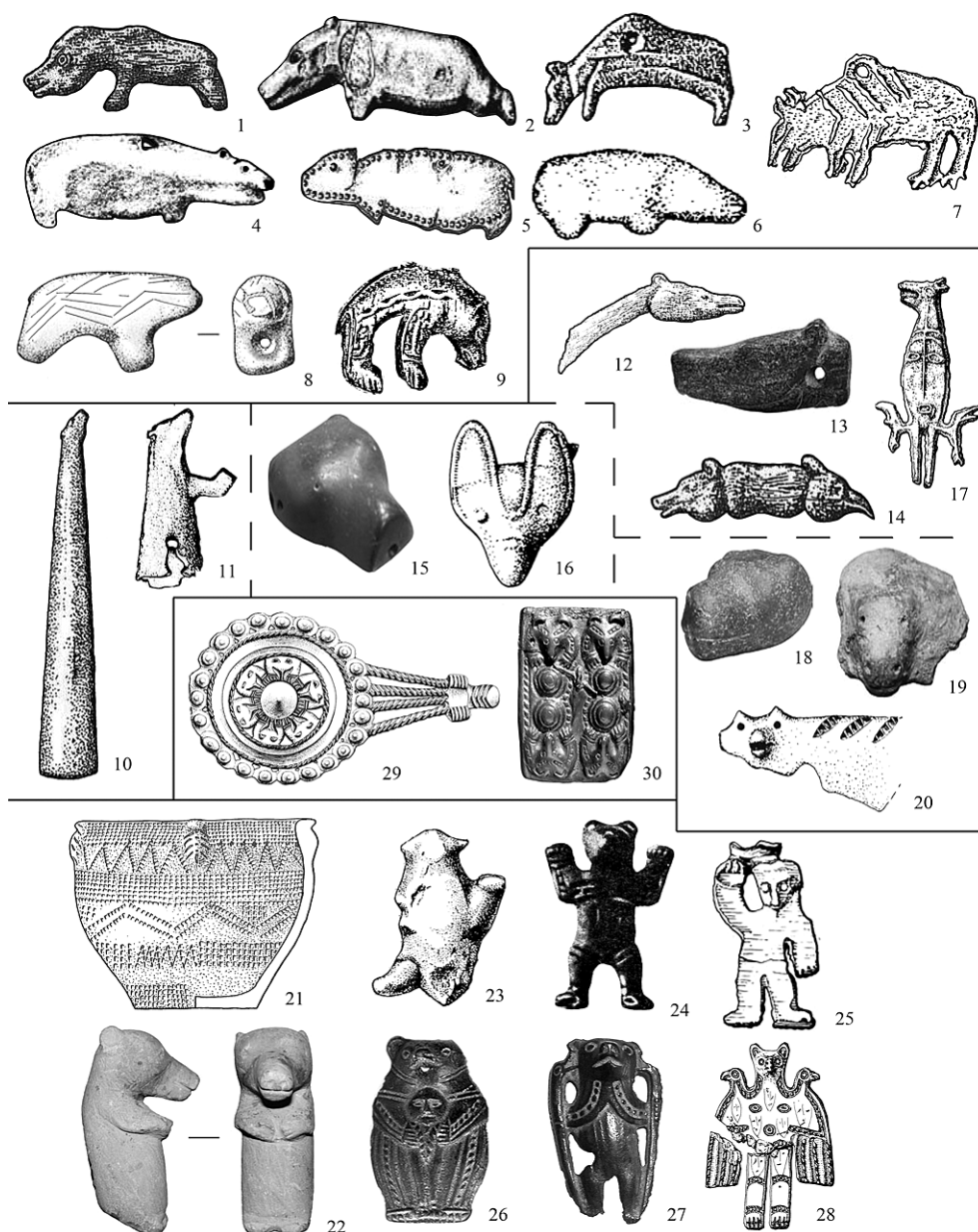

Рис. Скульптурные изображения медведя. Западная Сибирь.

Изображения группы 1: 1 – Васьковский могильник (по: 4, с. 100, рис. 43–1); 2 – могильник на Старом Мусульманском кладбище (по: 11, с. 134, рис. 25–7); 3 – могильник Сопка-2 (по: 28, с. 42, рис. 36); 4 – поселение Крохалевка-13 (по: 29, с. 92, рис. 3); 5 – поселение Крохалевка-1 (по: 30, с. 45, рис. 18–1); 6 – городище Чича-1 (по: 12, с. 337, рис. 2–4); 8 – погребение у с. Утинка (по: 22, с. 179, рис. 1–1); 9 – Абатский могильник (по: 31, с. 136, рис. 69–5).

Изображение ИТ-1: 7 – городище Барсов городок III/6 (по: 24, с. 185, рис. 79–2).

Изображения группы 2: 10 – находка на оз. Иткуль (по: 21, табл. 10–2); 12, 14 – Васьковский могильник (по: 4, с. 100, рис. 43–3, 2); 13 – могильник Сопка-2 (по: 32, с. 100, рис. 5–2); 15 – могильник Усть-Куям (по: 32, с. 100, рис. 3–2); 18, 19 – поселение Самусь-IV (по: 32, с. 100, рис. 5–1, 5–1); 20 – стоянка Игрековский остров (Игреково-1) (по: 11, с. 127, рис. 18–5).

Изображения ИТ-2: 11 – Карбинское-1 городище (по: 33, с. 124, рис. 3–9); 16 – могильник Барсовский VII (по: 24, с. 192, рис. 86–44).

Кулайское антропо-зооморфное изображение: 17 – могильник Барсовский VII (по: 24, с. 192, рис. 86–55).

Изображения группы 3: 21 – поселение Тух-Эмтор IV (по: 11, с. 200, рис. 90–1); 22 – Самусьский могильник (по: 32, с. 100, рис. 6); 23 – городище Чича-1 (по: 12, с. 337, рис. 2–6).

Изображения ИТ-3: 24 – ложбина около горы Кулайка (по: 34, т. II-5); 25, 28 – могильник Барсовский III (по: 35, с. 110, рис. 5–2, 3); 26 – Ишимская коллекция (по: 36, т. VI-5); 27 – Томский могильник (37, рис. 6).

Изображения ИТ-4: 29 – святилище на городище Барсов городок I/9 (2, с. 266, рис. 3–3); 30 – Усть-Абинский могильник (38, с. 233, т. LXIX-10).

димому, служили аксессуарами костюма, символизируя «статус» владельца [13, с. 112].

Круглая скульптура из разрушенного Утинкинского погребения самусьской культуры (рис. 8) также может быть отнесена к изображениям группы 1. Поделка имеет сквозные отверстия для нанизывания/подвешивая. находка сопоставима с объемными полыми изображениями-пронизками «кулайцев» (ИТ-1) (рис. 9). Не исключено, что использовались предметы, разделенные временем, по-разному, но сама идея создания объемных изображений-пронизок для «кулайцев», по-видимому, была не новой. Сходство предметов усиливает декор в виде зигзагообразных линий на поверхности миниатюр.

В комплексах неолита – бронзы Западной Сибири широко представлены изображения головы медведя. Известны как плоские, так и круглые скульптурные изображения (группа 2) (рис. 10, 12–14). К изображениям первого вида относятся костяная фигурка в виде головы медведя на длинной шее² и костяное изделие в виде развернутых в противоположные стороны голов медведя и синкретического образа (медведя-птицы?) из захоронений Васьковского могильника эпохи неолита (рис. 12, 14). Известна также каменная поделка из кротовского погребения некрополя Сопка-2 (рис. 13). Два последних изображения имеют отверстия и могли использоваться как аксессуары костюма. Оптимальным ракурсом для их визуального восприятия является профильный разворот головы животного. Среди бронзовых медвежьих изображений «кулайцев» профильные парциальные изображения головы медведя не выявлены, однако их можно увидеть в составе сложных, в частности антропо-зооморфных композиций (рис. 17). Встречаются также объемные изображения-навершия (ИТ-2) (рис. 11), которые могут быть сопоставлены с каменным статуарным предметом (группа 2), случайно найденным на оз. Иткуль³ (рис. 10).

Выполненные невысоким рельефом кулайские изображения (ИТ-2) (рис. 16) отчасти сопоставимы с оригинальными изделиями каракольской и кротовской культур эпохи бронзы – объемными полыми изделиями из камня и капа (могильники Усть-Куном, Сопка-2 и Абрамово-11) (рис. 15). О назначении предметов высказано несколько гипотез [16, 17, 18, 19, 20, 21]. Наиболее обоснованной представляется позиция авторов о принадлежности изделий поясной гарнитуре.

Рассмотренные парциальные изображения зверя имеют признаки практического использования, являясь одновременно знаковыми средствами культуры.

Скульптурные изображения головы медведя использовались и в качестве декоративного оформления керамических сосудов⁴ (рис. 19–21). В этом случае актуализировалась ритуальная функция изображений. Вероятно, к группе «культовых» предметов следует относить и каменное изображение головы медведя (круглая скульптура) из поселения Самусь-IV (рис. 18), назначение которого без учета контекста находки неочевидно. Данная группа предметов ритуального характера в кулайских древностях соответствий пока не находит.

Один из керамических сосудов поселения Тух-Сигат-IV (степановская культура эпохи ранней бронзы Васюганья) декорирован ритмически повторяющимися барельефными изображениями животного, в котором Ю. Ф. Кирюшин склонен видеть стоящего на задних лапах медведя [11, с. 84] (рис. 21). Однако барельеф не имеет признаков, позволяющих однозначно определить видовую принадлежность персонажа. На это указывают некоторые элементы иконографии образа, семантика которых раскрывается в свете данных этнографии западносибирских аборигенов.

Вероятно, самым ранним изображением животного на задних лапах является энеолитическая круглая статуэтка из камня, обнаруженная в Самусьском могильнике (группа 3) (рис. 22). Характерные признаки животного лучше распознаются при рассмотрении скульптуры в профиль. Такой ракурс позволяет выявить элементы иконографии, присущие изображениям медведя группы 1 и ИТ-1: большая, опущенная вниз голова; сгорбленная спина; массивное тело со скошенной задней частью; непропорционально короткие лапы; короткий или невыделенный хвост, маленькие уши.

Самусьская статуэтка – уникальная находка. Серию изображений медведя, стоящего на задних лапах, образуют миниатюры из памятников позднеирменской культуры переходного от эпохи бронзы к раннему железу времени (группа 3) (рис. 23).

Традиция изготовления глиняной пластики – эпохальное явление для лесостепной зоны Евразии, затухающее с окончанием скифской эпохи. В Западной Сибири традиция сохраняется и в раннем железном веке [12, с. 340]. В позднеирменской

² Ю. М. Бородин интерпретировал миниатюру как изображение лосиной головы [4, с. 101]. На мой взгляд, образ отражает черты синкретического персонажа, как и другое костяное изделие из этого же памятника (рис. 14).

³ Аналоги предмету известны и в Восточной Сибири (находка из окрестностей г. Братска и находка на о-ве Сергушкин) [14, 15].

⁴ С большой долей уверенности как изображение головы медведя можно трактовать «налепы» на сосуде стоянки Игреково-I эпохи ранней бронзы и изображение на миниатюрном сосуде из поселения Самусь-IV (самусьской культуры) (рис. 19, 20). Иные скульптурные изображения на венчиках сосудов однозначно интерпретировать не представляется возможным.

керамической пластике среди зооморфных образов преобладает медведь. Фигурки сильно стилизованы. Признаки животного подчеркнуты наличием короткого хвоста и маленьких ушек. Исследователи отмечают близость иконографии зверя и человека, позволяющую видеть в них некий синкретический образ «человека-зверя» или «человека-медведя» [12, с. 339]. Сочетание антропо-зооморфных признаков в составе одного персонажа ярко проявляется в металлопластике Урало-Сибирского региона эпохи железа, в том числе в кулайской (ИТ-3) (рис. 17, 24, 25). При всем очевидном различии между миниатюрами разных эпох обнаруживаются и общие признаки: подача образа вертикально анфас; изображение персонажа с поднятыми вверх лапами/лапой; иногда – детализация подчеркиванием признаков пола. Отмеченное сходство позволяет предполагать, что генезис образа «человека-медведя» происходил в культурах переходного времени от эпохи бронзы к раннему железу лесостепной зоны Западной Сибири. В материалах раннего железного века образ стоящего на задних лапах медведя предстает в оформленном, детализированном виде, в том числе в составе многофигурных композиций (рис. 24–28), и, по-видимому, служит элементом костюма воина [1, 3].

Генезис другого синкретического образа – «птицы-медведя» (рис. 28), появившегося в металлопластике раннего железного века, также можно видеть в материалах ранних этапов истории Западной Сибири. На это указывает сочетание образов птицы и медведя в составе погребальных и культовых комплексов, начиная с неолитического времени⁵. Развитие иконографии мифологического персонажа в раннем железном веке демонстрирует слияние в едином образе признаков трех существ – птицы, медведя и человека [25, с. 262].

Изображения ИТ-3 кулайской КИО находят широкий круг аналогов в культурах эпохи железа не только Западной Сибири, но и Урала и прилегающих к нему территорий. Можно предполагать активное историко-культурное взаимодействие населения указанных регионов, обусловившее нивелировку уровня экономического и социального развития древних обществ, сходство комплекса мифоритуальных представлений и использование для маркирования социальных структур единой системы символов культуры.

Как показал анализ синкретических изображений раннего железного века, универсальным признаком, служащими для передачи образа медведя, является голова животного [25, с. 262]. В сочетании головы с лапами зверя реализуется ИТ-4 мед-

вежьих изображений «кулайцев» (рис. 29, 30). Аналогов изображениям с подобным композиционным решением образа в материалах культур, предшествующих эпохе железа Западной Сибири, не выявлено. В то же время наличие в раннем железном веке парциальных изображений голов животного (рис. 16) позволяет связать развитие данного ИТ с мировоззренческими концептами, воплощенными в изображениях группы 2 древних памятников региона (рис. 15, 18, 19). Изображения ИТ-4 образуют преимущественно орнаментальные композиции, которые использовались для декорирования предметов статусного характера. Все это свидетельствует об изменении значения парциальных изображений [3, с. 88].

Таким образом, можно предположить, что каждый из ИТ образа медведя кулайской КИО имеет определенную предысторию. Вероятно, полнофигурные изображения (ИТ-1) и изображения головы животного (ИТ-2) связаны происхождением с пластическими изделиями первой и второй групп неолита – бронзы. Не исключено, что формирование ИТ-2 происходило в Западной Сибири под воздействием этнокультурных импульсов, исходящих с территории Урала, где парциальные изображения (головы животных) появляются и становятся характерной чертой изобразительного творчества региона, по-видимому, с мезолитического времени [26, 27].

Вероятно, ИТ-4 бронзовых отливок «кулайцев» (голова медведя между лап) также восходит к изделиям группы 2. Возможно, формированием нового ИТ-4, завоевавшего широкую популярность в эпоху железа, объясняется незначительное количество изображений ИТ-2, исчезающего к концу раннего железного века.

Генезис ИТ-3 изучен недостаточно. Засвидетельствованный уникальной находкой кануна эпохи бронзы, ИТ получил новый импульс развития на этапе переходного времени к эпохе железа. Являясь ярким символом, ИТ-3 в кулайской металлопластике предстает в различных вариантах композиций, в том числе в виде сложного синкретического образа.

Иначе говоря, в ИТ-1 и ИТ-2 бронзовых изображений медведя кулайской КИО можно видеть развитие западносибирских традиций, сформировавшихся не позднее эпохи неолита, по-видимому, не без влияния населения уральского региона. На их фоне ИТ-3 и ИТ-4 предстают новообразованиями, генезис которых протекал на западносибирской основе при участии лесостепных этнокультурных компонентов, вероятно, ираноязычных

⁵ Сочетание образов в материалах Васьковского могильника, Утинкинского погребения, поселения Самусь-IV, Барсового-VII могильника и др. [4, 22–24].

[12, с. 340]. Активизация кросскультурных контактов, и в том числе военная мобильность в раннем железном веке, обусловили популярность изображений указанных типов по обе стороны от Урала.

Следует подчеркнуть, что соответствия, выявленные между ИТ изображений медведя кулайской КИО и группами изображений медведей эпохи неолита – переходного времени от эпохи бронзы к раннему железу Западной Сибири, не означают, что воплощенные в этих образах идеи и представления оставались неизменными на протяжении тысячелетий. Многообразие композиционных вариантов, в которых реализованы ИТ, является подтверждением данного тезиса. В то же время несоответствие иконографических типов с вариантами изображений медведя предшествующих исторических эпох свидетельствует о разнообразии семантических напластований, воплощенных в них.

Изображения ИТ-1 и ИТ-2 демонстрируют прагматическую индифферентность и, по-видимому, являются полифункциональными и полисемантическими [3, с. 86]. Фигурки медведей, стоящих на задних лапах (ИТ-3), могут являться эмблемой участников воинских подразделений «кулайцев»,

а крылатых медведей – эмблемой религиозных лидеров (возможно, «шаманствующих» лиц) подобных объединений [3, с. 86, 88]. Изображения же ИТ-4 хотя и коррелируют с воинской атрибутикой и оружейными комплексами, тем не менее, встречаются и в женских погребениях. Вероятно, использование ИТ-4 в качестве элемента декора деталей костюма символизировало приверженность комплексу ритуально-мифологических представлений членов воинских объединений – «людей-медведей» [3, с. 88]. Появление нового культурного символа может быть в известной степени объяснено реархаизацией древнего парциального варианта изображения зверя.

Вместе с тем обозначенные соответствия между иконографическими типами изображений медведя «кулайцев» и вариантами изображения зверя предшествующих эпох истории Западной Сибири позволяют определить истоки изобразительных «канонов» и пути их развития, установить относительный возраст воплощенных в них элементов мифологической картины мира, выявить этнокультурные компоненты, в той или иной степени участвовавшие в формировании кулайской общности.

Список литературы

1. Федорова Н. В. Иконография медведя в бронзовой пластике Западной Сибири (железный век) // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 37–42.
2. Федорова Н. В., Чемякин Ю. П. Образ медведя в пластике эпохи раннего железа Сургутского и Нижнего Приобья // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. Томск: Аграф-Пресс, 2012. С. 256–266.
3. Панкратова Л. В. Образ медведя в металлопластике кулайской общности раннего железного века Западной Сибири // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV. Казань: Отечество, 2014. С. 85–89.
4. Бородкин Ю. М. Произведения изобразительного искусства из неолитических погребений Васьяковского могильника // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: КемГУ, 1976. Вып. 7. С. 99–109.
5. Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдашинская пещера. Новосибирск: Наука, 1980. 208 с.
6. Молодин В. И., Октябрьская И. В., Чемякина М. А. Образ медведя в бронзовой пластике западносибирских аборигенов эпохи неолита и бронзы // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 23–36.
7. Дульзон А. П. Томский неолитический могильник // Учен. записки ТГПИ. Т. XVII. Томск, 1958. С. 297–324.
8. Матющенко В. И. Вопросы датировки томских неолитических памятников // Учен. записки ТГУ. № 35. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1960. С. 200–214.
9. Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. Москва: Наука, 1981. 278 с.
10. Мец Ф. И. Старое Мусульманское Кладбище, могильник // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: материалы к энциклопедии Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 158.
11. Кирушин Ю. Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул: Из-во Алт. ун-та, 2004. 295 с.
12. Молодин В. И., Чемякина М. А., Парцингер Г., Новикова О. И., Ефремова Н. С., Гришин А. Е., Марченко Ж. В. Глиняные скульптурки городища Чича-1 // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Алт. ун-т, 2003. Кн. 1. С. 333–340.
13. Федорова Н. В. Традиции в древнем и средневековом искусстве севера Западной Сибири // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV. Казань: Отечество, 2014. С. 111–113.
14. Ченченкова О. П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н. э. Екатеринбург: Тезис, 2004. 336 с.
15. Герман П. В., Леонтьев С. Н. Результаты полевых исследований на памятниках Сергушкин 3 и Взвоз в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. XVI. С. 500–505.

16. Берс Е. М. Из раскопок в Горном Алтае у устья р. Куюм // Древняя Сибирь. Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 18–31.
17. Студзицкая С. В. Искусство Восточного Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Москва: Наука, 1987. С. 318–326.
18. Кожин П. М. Значение материальной культуры для диагностики процессов доисторического этногенеза // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. Москва: Наука, 1987. С. 80–107.
19. Молодин В. И. Оригинальные поясные пряжки эпохи развитой бронзы из Горного Алтая и Западно-Сибирской лесостепи // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. Новосибирск: Наука, 1994. С. 82–86.
20. Молодин В. И. Каракольская культура // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. Санкт-Петербург: Элексис Принт, 2006. С. 273–282.
21. Ковтун И. В. Предыстория арийской мифологии. Кемерово: Азия-Принт, 2013. 702 с.
22. Бобров В. В., Герман П. В. Погребение турбино-сейминского времени в Ачинско-Мариинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 178–183.
23. Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (Неолит и бронзовый век). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. Ч. 2: Самусьская культура. 210 с.
24. Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут – Омск: «Омский дом печати», 2008. 224 с.
25. Панкратова Л. В. Иконография птицевидных образов с развернутыми крыльями в кулайской металлопластике // Вестник ТГУ. История, 2013. № 3 (23). С. 259–265.
26. Сериков Ю. Б. «Культь голов» в обрядовой практике древнего населения Урала // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 5. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. С. 38–51.
27. Сериков Ю. Б. Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил: [б.и.], 2014. 268 с.
28. Молодин В. И. Древнее искусство Западной Сибири (Обь-Иртышская лесостепь). Новосибирск: Наука, 1992. 191 с.
29. Троицкая Т. Н., Дураков И. А., Савин А. Н. Самусьские бронзовые фигурки с поселения Крохалевка-13 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 1 (5). С. 91–93.
30. Молодин В. И., Глушков И. Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, 1989. 168 с.
31. Матвеева Н. П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 151 с.
32. Ковтун И. В. Восточная периферия самусьской культуры и изображения медведей в западносибирской скульптурной миниатюре и металлопластике II тыс. до н. э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 97–104.
33. Яковлев Я. А. Карбинское I городище – памятник раннего железного века Среднего Приобья // Жилища народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1991. С. 115–142.
34. Мялков И. М. Древности Нарымского края (в собрании Томского краевого Музея) // Труды Томского краевого музея. Т. II. Томск: [б.и.], 1929. С. 51–88.
35. Борзунов В. А., Зыков А. П. Барсовский III могильник – новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 103–112.
36. Ермолаев А. Ишимская коллекция // Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический. Выпуск I. Красноярск, 1914. 19 с., 8 табл.
37. Ширин Ю. В., Хаврин С. В. Комплексы второй четверти I тыс. н. э. из Томского могильника // Stratum plus, 2012. № 4. С. 239–255.
38. Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

Список сокращений

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
КемГУ – Кемеровский государственный университет
ТГПИ – Томский государственный педагогический институт
ТГУ – Томский государственный университет

Панкратова Л. В., кандидат исторических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: solomila@mail.ru

Материал поступил в редакцию 22.06.2015.

L. V. Pankratova

ON THE POSSIBLE ORIGINS OF THE BEAR IMAGE ICONOGRAPHY IN THE KULAI REPOUSSAGE

The sculpture of the ancient inhabitants of Western Siberia was studied in order to identify the origins of the iconography of the image of bear in the cultic repoussage of the Kulai community of the early Iron Age. It was established that the figurines of a bear standing on four paws, and the image of the beast's head are genetically related to similar types of the sculpture that appeared in the Neolithic Era. The images of a bear standing on its hind paws became popular on the eve of the Iron Age under the influence of the forest-steppe ethnocultural impacts. The partial images are undergoing the process of rearchaization and form compositions known as a bear in the «sacrificial posture». Iconographic types reflect different semantic layers, representing, in particular, social symbols.

Key words: *the Neolithic Era, the Bronze Age, the early Iron Age, the Kulai cultural-historical community, the images of bear, symbol, Western Siberia.*

Referenses

1. Fedorova N. V. Ikonografiya medvedya v bronzovoy plastike Zapadnoy Sibiri (zheleznyy vek) [Iconography of the bear in bronze sculptures of Western Siberia (Iron Age)]. *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura. Medved' v drevnikh i sovremennykh kul'turakh Sibiri* [The people of Siberia: history and culture. Bear in ancient and modern cultures of Siberia]. Novosibirsk, IAEt SB RAS Publ., 2000. 103 p. (in Russian).
2. Fedorova N. V., Chemyakin Yu. P. Obraz medvedya v plastike epokhi rannego zheleza Surgutskogo i Nizhnego Priob'ya [The image of the bear in the plastic of the early iron age of Surgut and the Lower Ob]. *Arkheologo-etnograficheskiye issledovaniya Severnoy Yevrazii: ot artefaktov k prochteniyu proshlogo* [Archaeological and ethnographic research in North Eurasia from artifacts to the reading of the past]. Tomsk, Agraf Press Publ., 2012. 283 p. (in Russian).
3. Pankratova L. V. Obraz medvedya v metalloplastike kulayskoy obshchnosti rannego zheleznoogo veka Zapadnoy Sibiri [The image of the bear in the metal-plastic of Kulai community of the Early Iron Age in Western Siberia]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda v Kazani* [Proceedings IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]. Kazan, Otechestvo Publ., 2014, vol. IV. Pp. 85–89 (in Russian).
4. Borodkin Yu. M. Proizvedeniya izobrazitel'nogo iskusstva iz neoliticheskikh pogrebeniy Vas'kovskogo mogil'nika [Works of fine art from the Neolithic burial tombs of Vaskovsky burial ground]. *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy* [Proceedings of archaeological research laboratory]. Kemerovo, KemGU Publ., 1976, vol. 7. 132 p. (in Russian).
5. Molodin V. I., Bobrov V. V., Ravnushkin V. N. *Aydashinskaya peshchera* [Aydashinskaya cave]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980. 208 p. (in Russian).
6. Molodin V. I., Oktyabr'skaya I. V., Chemyakina M. A. Obraz medvedya v bronzovoy plastike zapadnosibirskikh aborigenov epokhi neolita i bronzy [The image of the bear in the West Siberian Aboriginal bronze sculptures of the Neolithic and Bronze Ages]. *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura. Medved' v drevnikh i sovremennykh kul'turakh Sibiri* [People of Siberia: history and culture. Bear in ancient and modern cultures of Siberia]. Novosibirsk, IAEt SO Publ., 2000. 103 p. (in Russian).
7. Dul'zon A. P. Tomskiy neoliticheskii mogil'nik [Tomsk Neolithic burial]. *Uchenyye zapiski TGPI – Scientific notes TSPI*, 1958, vol. XVII, pp. 297–324 (in Russian).
8. Matyushchenko V. I. Voprosy datirovki tomkskikh neoliticheskikh pamyatnikov [Questions of dating of Tomsk Neolithic sites]. *Uchenyye zapiski TGU – Scientific notes TSU*, 1960, no. 35, pp. 200–214 (in Russian).
9. Kosarev M. F. Bronzovyy vek Zapadnoy Sibiri [The Bronze Age in Western Siberia]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 278 p. (in Russian).
10. Mets F. I. Staroye Musul'manskoye kladbishche [The old Muslim cemetery, a burial ground]. *Narody i kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya: Materialy k entsiklopedii Tomskoy oblasti* [People and Cultures of Tomsk-Narym Ob: Contributions to the Encyclopedia of the Tomsk region]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2001. 251 p. (in Russian).
11. Kiryushin Yu. F. *Eneolit i bronzovyy vek yuzhno-tayezhnoy zony Zapadnoy Sibiri* [Chalcolithic and Bronze Age of the southern taiga zone of Western Siberia]. Barnaul, Iz-vo Alt. un-ta Publ., 2004. 295 p. (in Russian).
12. Molodin V. I., Chemyakina M. A., Partsinger G., Novikova O. I., Yefremova N. S., Grishin A. Ye., Marchenko Zh. V. Glinyanyeye skulpturki gorodishcha Chicha-1 [Clay sculptures settlement Chicha-1]. *Istoricheskiy opyt khozyaystvennogo i kul'turnogo osvoyeniya Zapadnoy Sibiri* [Historical experience of economic and cultural development of Western Siberia]. Barnaul, Alt. un-t Publ., 2003, vol. 1. 462 p. (in Russian).
13. Fedorova N. V. Traditsii v drevnem i srednevekovom iskusstve severa Zapadnoy Sibiri [Traditions in the ancient and medieval art of north of West Siberia]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda v Kazani* [Proceedings IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]. Kazan, Otechestvo Publ., 2014, vol. IV. Pp. 111–113 (in Russian).
14. Chenchenkova O. P. *Kamennaya skulptura lesostepnoy Azii epokhi paleometalla III–II tys. do n. e.* [Stone sculpture of Asian forest-steppe of paleometal era III–II millennium B.C.]. Yekaterinburg, Tezis Publ., 2004. 336 p. (in Russian).
15. German P. V., Leont'yev S. N. Rezul'taty polevykh issledovaniy na pamyatnikakh Sergushkin 3 i Vzvoz v Severnom Priangar'ye [The results of field research on the monuments Sergushkin 3 and vzvoz in North Angara]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, Izd-vo IAEt SO RAN Publ., 2010, vol. XVI. 616 p. (in Russia).
16. Bers E. M. Iz raskopok v Gornom Altaye u ust'ya reki Kuyyum [From excavations in the Altai Mountains at the mouth of the river Kuyum]. *Drevnyaya Sibir'. Bronzovyy i zheleznyy vek Sibiri* [Ancient Siberia. Bronze and Iron Age of Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1974. 392 p. (in Russian).

17. Studzitskaya S. V. Iskusstvo Vostochnogo Urala i Zapadnoy Sibiri v epokhu bronzy [Arts Eastern Urals and Western Siberia in the Bronze Age]. *Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR* [Bronze Age of forest belt of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 471 p. (Archaeology of the USSR) (in Russian).
18. Kozhin P. M. Znachenie material'noy kul'tury dlya diagnostiki protsessov doistoricheskogo etnogeneza [The value of material culture for the diagnosis of prehistoric processes of ethnogenesis]. *Istoricheskaya dinamika rasovoy i etnicheskoy differentsiatsii naseleniya Azii* [Historical dynamics of racial and ethnic differentiation of the population of Asia]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 211 p. (in Russian).
19. Molodin V. I. Original'nyye poyasnyye pryazhki epokhi razvityo bronzy iz Gornogo Altaya i Zapadno-Sibirskoy lesostepi [Original belt buckles of the developed bronze era from the Altai Mountains and West Siberian steppe]. *Drevniye kul'tury Yuzhnoy Sibiri i Severo-Vostochnogo Kitaya* [Ancient cultures of Southern Siberia and Northeast China]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1994. 110 p. (in Russian).
20. Molodin V. I. Karakol'skaya kul'tura [Karakol culture]. *Okunevskiy sbornik 2: Kul'tura i yeye okruzheniye* [Okunev compilation 2: Culture and its surroundings]. St. Petersburg, Eleksis Print Publ., 2006. 364 p. (in Russian).
21. Kovtun I. V. *Predystoriya ariyskoy mifologii* [Prehistory of Indo-Aryan mythology]. Kemerovo, Asia-Print Publ., 2013. 702 p. (in Russian).
22. Bobrov V. V., German P. V. Pogrebeniye turbine-seyminskogo vremeni v Achinsko-Mariinskoy lesostepi [Burial of turbine-Seima time in Achinsk and Mariinsk forest steppe]. *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy: Materialy godovoy sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN 2007* [Problems of archeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories: Proceedings of the annual session of the Institute of Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences 2007]. Novosibirsk, Izd-vo IAET SB RAS Publ., 2007, vol. XIII. 524 p. (Publ.)
23. Matyushchenko V. I. *Drevnyaya istoriya naseleniya lesnogo i lesostepnogo Priob'ya (Neolit i bronzovyy vek)* [The ancient history of the population of the forest and forest-steppe of the Ob River (Neolithic and Bronze Age)]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta Publ., 1973, part 2: Samus culture. 210 p. (in Russian).
24. Chemyakin Yu. P. *Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya* [Barsova Mountain: Essays of archaeology of Surgut Ob. Antiquity]. Surgut – Omsk, "Omskiy dom pechat" Publ., 2008. 224 p. (in Russian).
25. Pankratova L. V. Ikonografiya ptitsevidnykh obrazov s razvernutyimi kryl'yami v kulayskoy metalloplastike [Iconography of birdlike images with spread wings in kulay repousse]. *Vestnik TGU – Tomsk State University of History*, 2013, no. 3 (23), pp. 259–265 (in Russian).
26. Serikov Yu. B. "Kul't golov" v obryadovoy praktike drevnego naseleniya Urala ["The cult of the heads" in the ritual practice of the ancient population of the Urals]. *Okhrannyye arkheologicheskiye issledovaniya na Srednem Urale* [Protection of the archaeological research in the Middle Urals]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoy informatsii Publ., 2007, vol. 5. 250 p. (in Russian).
27. Serikov Yu. B. *Ocherki po pervobytnomu iskusstvu Urala* [Essays on the primitive art of the Urals]. Nizhny Tagil, 2014. 268 p. (in Russian).
28. Molodin V. I. *Drevneye iskusstvo Zapadnoy Sibiri (Ob'-Irtyskaya lesostep')* [The ancient art of Western Siberia (Ob-Irtys forest-steppe)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992. 191 p. (in Russian).
29. Troitskaya T. N., Durakov I. A., Savin A. N. Samus'skiye bronzovyye figurki s poseleniya Krokhalevka-13 [Samus bronze figurines from the settlement Krokhalevka 13]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii – Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2001, no. 1 (5), pp. 91–93 (in Russian).
30. Molodin V. I., Glushkov I. G. *Samus'skaya kul'tura v Verkhnem Priob'ye* [Samus culture in the Upper Ob]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989. 168 p. (in Russian).
31. Matveyeva N. P. *Ranniy zheleznyy vek Priishim'ya* [Early Iron Age of the region of the river Ishim]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1994. 151 p. (in Russian).
32. Kovtun I. V. Vostochnaya periferiya samus'skoy kul'tury i izobrazheniya medvedey v zapadno-sibirskoy skulpturnoy miniatyure i metalloplastike II tys. do n. e. [The Bear Image in Western Siberian Art of the 2nd Millennium B. C. and its Relevance for Delimiting the Eastern Periphery of the Samus Culture]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii – Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2008, no. 3 (35), pp. 97–104 (in Russian).
33. Yakovlev Ya. A. *Karbinskoye I gorodishche – pamyatnik rannego zheleznogo veka Srednego Priob'ya [Karbinskoye I settlement – a monument of the early Iron Age of the Middle Ob]. Zhilishcha narodov Zapadnoy Sibiri* [Buildings of the population of Western Siberia]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 1991. 141 p. (in Russian).
34. Myagkov I. M. Drevnosti Narymskogo kraya (v sobranii Tomskogo kraevogo Muzeya) [Antiquities of Narym (in collection of the Tomsk Regional Museum)]. *Trudy Tomskogo krayevogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum]. Tomsk, 1929, vol. II. 104 p. (in Russian).
35. Borzunov V. A., Zykov A. P. Barsovskiy III mogil'nik – novyy kulayskiy pamyatnik v Surgutskom Priob'ye [Barsovsky III cemetery – new kulaysky monument in Surgut Ob]. *Obrazy i sakral'noye prostranstvo drevnikh epoch* [Images and sacred space of ancient times]. Yekaterinburg, Akva-Press Publ., 2003. 122 p. (in Russian).
36. Yermolayev A. *Ishimskaya kolleksiya. Opisaniye kollektiy Krasnoyarskogo muzeya. Otdel arkheologicheskoy* [The Ishim collection. Description of the Krasnoyarsk museum collections. Department of Archaeology]. Krasnoyarsk, 1914, vol. I. 19 p. (in Russian).
37. Shirin Yu. V., Khavrin S. V. *Kompleksy vtoroy chetverti I tys. n. e. iz Tomskogo mogil'nika* [Complexes of the second quarter Ind millennium A.D. from the Tomsk burial]. *Stratum plus*, 2012, no. 4, pp. 239–255 (in Russian).
38. Shirin Yu. V. *Verkhneye Priob'ye i predgor'ya Kuznetskogo Alatau v nachale I tys. n. e. (pogrebal'nyye pamyatniki fominskoy kul'tury)* [Upper Ob and the foothills of the Kuznetsk Altay in the beginning of Ind millennium A.D. (burial of the Fominsk culture)]. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' Publ., 2003. 288 p. (in Russian).

Pankratova L. V.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: solomila@mail.ru